

Тао Хуайнань моргнул:

— Правда?

— Зачем мне врать? Пощупай сам.

Тао Хуайнань повернулся и потянулся к столу. Коробку и письмо Чи Чэн уже засунул в ящик, и Тао Хуайнань долго ощупывал, но ничего не нашел.

— Письмо есть? — спросил он.

Чи Чэн ответил:

— Не обращай внимания.

Тао Хуайнань тихо спросил:

— Кто же это положил?

Чи Чэн оттолкнул его:

— Учи, не выпрашивай.

Чи Чэн не стал ему рассказывать, а Тао Хуайнань не мог увидеть, и письмо, написанное не шрифтом Брайля, он не мог прочитать.

В этот момент они с Чи Чэном оказались как будто в разных мирах, связь между которыми держалась на зрении, но у Тао Хуайнаня его не было.

Чи Чэн был слишком хорош, умный и способный. Был ли он красив, Тао Хуайнань не знал, но для него он был красив, потому что у него был приятный голос.

Такой парень, казалось, мог понравиться кому угодно, кто бы его не любил.

Как Чи Чэн поступил с подарком, Тао Хуайнань не знал, и прочитал ли он письмо, тоже. День за днем он мучился, хотел спросить, но боялся разозлить Чи Чэна.

Несколько дней он терзался, а Чи Чэн лишь бросал на него взгляды, его маленькие секреты не могли остаться незамеченными.

В конце концов, он все же был домашним императором, и однажды вечером, выйдя из ванной, он увидел, что Чи Чэн уже закончил купаться и сидел за учебой. Тао Хуайнань в пушистой пижаме, пахнущей молочным гелем для душа, подошел и обнял его за шею, начав нить.

— Что ты делаешь? — Чи Чэн оттолкнул его локтем. — Чего пристал?

— Братец! — Тао Хуайнань уже был готов на все, сегодня он решил во что бы то ни стало добиться своего.

Его волосы касались лица Чи Чэна, вызывая зуд, и Чи Чэн отстранился:

— Говори.

— Твое любовное письмо? — Тао Хуайнань прижался щекой к нему. — Куда ты его дел?

— Хочешь посмотреть? — намеренно спросил Чи Чэн.

— Если бы я мог видеть, не пришлось бы так мучиться, — надулся Тао Хуайнань. — Ты прочитал?

— Нет, — снова оттолкнул его Чи Чэн. — Не парься, иди спать.

Тао Хуайнань, узнав, что письмо не прочитано, больше не стал спрашивать, его любопытство касалось только Чи Чэна, кто отправил письмо, он не хотел знать. Девичьи секреты были наполнены молодой и ценной гордостью, в этом возрасте симпатии были прекрасным чувством, и Тао Хуайнань не хотел разрушать это.

Вечером Тао Хуайнань не спал, слушал книгу и ждал, когда Чи Чэн ляжет.

Чи Чэн закончил решать задачи, убрал все и лег, а Тао Хуайнань снял наушники и придвинулся ближе.

— Еще не спишь? — удивился Чи Чэн, обычно в это время Тао Хуайнань уже спал.

— Ждал тебя, — Тао Хуайнань уже был сонным, прижавшись к Чи Чэну, он сжал кусочек его пижамы и зевнул.

— Не жди меня, спи, — сказал Чи Чэн.

Он всегда был таким, прямолинейным и грубоватым, и те мягкие, нежные мысли Тао Хуайнаня разбивались о его непробиваемую стену, Чи Чэн просто не понимал их.

Тао Хуайнань не обращал на это внимания, перебирая пижаму Чи Чэна, через пару минут он сначала кашлянул, а затем в темноте тихо спросил:

— Братец... тебе кто-то из девочек нравится?

Чи Чэн нахмурился и сказал:

— Не приставай.

— Я серьезно спрашиваю... — Тао Хуайнань потряс его рукой. — Есть?

Чи Чэн не ответил, отвернулся.

— Ты никогда не хочешь со мной поговорить, — убрал руку Тао Хуайнань. — Я с тобой заговариваю, а ты меня отшиваешь.

— Ты и есть надоедливый, — автоматически ответил Чи Чэн.

Те маленькие ночные разговоры, которые хотел завести Тао Хуайнань, были разрушены Чи Чэном. Он тоже повернулся на бок, спиной к Чи Чэну, и подумал, что зря ждал.

Последние зимние каникулы, в этом году они длились всего месяц.

На самом деле каникулы были два месяца, но школа организовала дополнительный месяц занятий. Зимой был снег, толстый слой на земле, и каждое утро, когда они выходили из дома, было еще темно. Тао Хуайнань держал руку в кармане Чи Чэна, шагая по снегу, который хрустел под ногами.

Он с детства не переносил холод, особенно боялся его.

Теперь, когда он вырос, уже нельзя было обматывать лицо шарфом, это выглядело бы слишком нелепо. Поэтому зимой его пальто было с большим капюшоном, который защищал от ветра.

В последнее время учителя и директор постоянно вызывали Чи Чэна на разговоры, не только его, но и всех из группы продвинутых. Спрашивали об их планах на старшую школу, последний семестр был временем подачи заявлений, и школа была заинтересована в их успехах, хотела высокого процента поступления в лучшие школы. Чи Чэн был одним из лучших учеников, и на него возлагали большие надежды.

Обычно одного разговора было достаточно, но из-за слов Чи Чэна «не пойду в престижную школу» его вызывали несколько раз.

Несколько раз пытались убедить, но этот ученик был слишком упрямым.

Чи Чэн всегда был уверен в своих решениях, что бы он ни сказал, это не менялось.

Тао Хуайнань еще не знал об этом, когда Чи Чэна вызвали к учителю на второй перемене, он сидел, держа большой термос с горячей водой. В последнее время он немного простудился, нос был заложен, и были сопли.

В мешке для мусора у стола лежали его носовые платки, каждые несколько минут он вытирал нос. Салфетки закончились, и Чи Чэн перед возвращением из учительской зашел вниз купить пачку.

Он вернулся, когда Тао Хуайнань просил салфетки у сидящего сзади, тот протянул ему, и он, гнусаво, сказал спасибо.

Чи Чэн пошел прямо из учительской, не надев куртку, и вернулся, весь холодный. Тао Хуайнань потрогал его руку, согревая:

— Как холодно.

Чи Чэн развернул салфетки и положил их рядом с Тао Хуайнанем, спросив:

— Голова не болит?

— Не болит, все в порядке, — Тао Хуайнань зажал руку Чи Чэна между своими и растирал, пока она не согрелась.

Чи Чэн улыбнулся:

— Ты, наверное, все сопли мне на руку вытер.

— Нет! — засмеялся Тао Хуайнань. — Я не испачкал руку.

— Я видел, как ты вытирал руку, — Чи Чэн поправил его одежду, которая немного съехала. — Ты точно испачкал.

Тао Хуайнань, смеясь, толкнул его:

— Я воду вытирал, вода попала на руку!

Чи Чэн просто шутил, никогда не сердился на него.

Зимой Тао Хуайнань всегда болел, редко бывали хорошие дни. Когда становилось холодно, он часто простужался, кашлял от ветра. Чи Чэн не любил видеть его больным и вялым, поэтому иногда подшучивал над ним, чтобы поднять ему настроение.

Тао Хуайнань спросил:

— О чем учитель с тобой говорил?

Чи Чэн ответил:

— Ни о чем.

— Ага, — Тао Хуайнань все еще чувствовал себя плохо, не было сил говорить, голова была тяжелой.

Они выросли вместе, но Чи Чэн был гораздо крепче. За эти годы он почти не болел, а Тао Хуайнань постоянно мучился от мелких недугов.

Когда болел, нужно было пить горячую воду, и Чи Чэн каждый день наливал ему большой термос, который Тао Хуайнань выпивал за утро. От большого количества воды приходилось ходить в туалет, и Чи Чэн, держа его за запястье, вел его, предупреждая:

— Скользко.

После той драки в первый год курение в туалете почти прекратилось, охрана патрулировала туалеты на всех этажах, и если кого-то ловили, снимали баллы с класса.

Теперь мальчишки просто собирались в комнате отдыха, и когда Чи Чэн вел Тао Хуайнаня, все смотрели на них, Тао Хуайнань этого не видел, а Чи Чэну было все равно.

Теперь его никто не трогал, с того первого года больше никто не обижал Тао Хуайнаня.

Ведь его брат был слишком крут.

В третьем классе средней школы тем более никто не хотел связываться, перед экзаменами рисковать и получать выговор было бессмысленно.

Тао Хуайнань хотел помыть руки, и даже те, кто когда-то дрался, отошли в сторону, освободив место у раковины. Тао Хуайнань не видел лиц, но почувствовал, что ему уступили место, и слегка повернулся, сказав:

— Спасибо.

Тот, кто уступил, сухо ответил:

— Не за что.

Тао Хуайнань немного удивился, вымыл руки, и Чи Чэн увел его.

Больной слепой мальчик, вечером дома даже не мог принять душ, завернувшись в пижаму и плед, он все равно жаловался на холод.

Чи Чэн прижался к нему лбом, нахмурившись:

— Когда говоришь об уколе, говоришь, что все в порядке, а когда не делаешь, тебе холодно.

— Мне не нравится этот запах, — Тао Хуайнань чувствовал, как холод проникает в каждую кость, дыхание было горячим. — И не нравится ощущение, как лекарство течет по венам, холодно.

[Нет авторских примечаний или комментариев]

<http://bllate.org/book/16228/1458261>